

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.20>

UDC 94“1261”:355.4

LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 15.06.2023

Accepted: 01.11.2023

THE RECAPTURE OF CONSTANTINOPLE IN 1261: AN ACCIDENT OR A PATTERN?

Nikolay D. Barabanov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Vladimir A. Zolotovskiy

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The recapture of Constantinople by a small detachment of Nicaeans in 1261 looks like an accident and the successful combination of circumstances for the Byzantines. However, we cannot accept this event as accidental. Of particular importance are the consistent conquering efforts of the Empire of Nicaea. In this case, the capture of the city should be considered as the final stage of a long and multifaceted military operation. The main objective of the article is the military-historical reconstruction of these events. The long-term military campaign of Michael VIII Palaiologos to conquer Constantinople is also of interest for the study of combat practice. In addition, it is of particular importance in the study of the Early Palaiologan military-strategic concept and the Late Byzantine military art in general. *Methods.* The reconstruction of the events of the long-term campaign to retake Constantinople is based on the use of all classical methods of historical research and a systematic approach. *Analysis and results.* The result of our research makes thinking that Constantinople was not taken by chance in 1261. The retaken of the capital was as a result of the implementation of the essentially insidious plan of Emperor Michael VIII. Lacking sufficient armed forces and means for a full-fledged siege of the city, the emperor twice tried to seize the capital of the Latin Empire. He counted on the effect of an internal factor in the form of treason or support for anti-Latin forces. It is quite obvious that the second option was successful. *Authors' contribution.* N.D. Barabanov analyzed the event-chronological aspect of the campaign of Michael VIII in 1259–1261, while V.A. Zolotovskiy reconstructed the final military operation to capture Constantinople by Byzantine troops in 1261.

Key words: Byzantium, Latin Empire of Constantinople, Empire of Nicaea, Constantinople, Michael VIII Palaiologos and his politics.

Citation. Barabanov N.D., Zolotovskiy V.A. The Recapture of Constantinople in 1261: An Accident or a Pattern? *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 270–283. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.20>

УДК 94“1261”:355.4

ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 15.06.2023

Дата принятия статьи: 01.11.2023

ВЗЯТИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В 1261 г.: СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

Николай Дмитриевич Барабанов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Владимир Алексеевич Золотовский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Взятие Константинополя небольшим отрядом никейских войск в 1261 г. выглядит случайностью, удачным для ромеев стечением обстоятельств. Однако признать событие таковым нельзя, если поставить его в контекст последовательных завоевательных усилий Никейской империи. В этом случае захват города следует рассматривать как закономерность, как завершающий этап длительной и многоплановой военной операции. Основной задачей статьи является военно-историческая реконструкция событий одного из важ-

нейших этапов истории Византии. Долгосрочная военная кампания Михаила VIII Палеолога по завоеванию Константинополя представляет также интерес в связи с возможностью анализа боевой практики, раннепалеологовской военно-стратегической концепции и развития поздневизантийского военного искусства в целом. Итог осуществленного нами обзора темы заставляет думать о том, что в 1261 г. Константинополь был взят не случайно, а в результате осуществления по сути коварного замысла императора Михаила VIII, который, не имея достаточных для полноценной осады города вооруженных сил и средств, дважды пытался овладеть столицей Латинской империи в расчете на внутренний фактор в виде измены или поддержки антилатинских сил. Второй вариант оказался успешным. *Вклад авторов.* Н.Д. Барабанов проанализировал событийно-хронологический аспект кампании Михаила VIII в 1259–1261 гг., в то время как В.А. Золотовский произвел реконструкцию завершающей военной операции по захвату Константинополя византийскими войсками в 1261 году.

Ключевые слова: Византия, Латинская империя, Никейская империя, Константинополь, Михаил VIII Палеолог и его политика.

Цитирование. Барабанов Н. Д., Золотовский В. А. Взятие Константинополя в 1261 г.: случайность или закономерность? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 270–283. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.20>

Введение. Взятие Константинополя небольшим отрядом никейских войск в 1261 г. выглядит случайностью, удачным для ромеев стечением обстоятельств. Однако признать событие таковым нельзя, если поставить его в контекст последовательных завоевательных усилий Никейской империи. В этом случае захват города следует рассматривать как закономерность, как завершающий этап длительной и многоплановой военной операции. Основной задачей статьи является военно-историческая реконструкция событий одного из важнейших этапов истории палеологовской империи. Долгосрочная военная кампания Михаила Палеолога по завоеванию Константинополя представляет также интерес в связи с возможностью анализа боевой практики, раннепалеологовской военно-стратегической концепции и развития поздневизантийского военного искусства в целом.

Анализ. После восшествия на престол Михаила Палеолога главной задачей на пути к восстановлению империи была организация кампании по завоеванию Константинополя. Это событие могло быть достаточным основанием для признания легитимным правления нового императора, получившего властные полномочия посредством заговора.

Подготовка. Прежде всего, было необходимо нейтрализовать угрозу военной экспансии, исходившую от западных противников Византии. Первым этапом на пути обеспечения безопасности было сражение при Пелагонии, произошедшее в середине 1259 г.¹, в ходе которого византийские войска разбили

мощную тройную коалицию, организованную против Михаила Палеолога его главным соперником – деспотом Михаилом II Эпирским, а также его латинскими союзниками: Манфредом Гогенштауфеном, королем Сицилии, и князем Ахайи Гийомом Виллардуэном.

Сражением у Пелагонии первая западная война Палеологов не окончилась, а лишь ознаменовала переход в новую фазу. Как сообщает Пахимер, после непродолжительного пребывания на востоке с целью восстановления укреплений [13, р. 141^{1–10}] войска Иоанна Палеолога продолжили западную кампанию, продвинувшись вглубь эфирской территории, захватили несколько ключевых крепостей. По данным историка, в ходе военных действий войском Иоанна были захвачены крепости Канина, Белград, Полог, Колония, Кастория, Пелагония, Деврас, Черников, Дяволис, Прилап, Водена, Бостр, Петра, Преспа, Стеридол, Ахрид, иллирийские крепости. Иоанн Палеолог дошел до Диррахия, осадой занял Патру и Трику [13, р. 151^{9–14}]. По завершении похода Иоанн провел ряд мероприятий, вполне традиционных для византийской военной практики. Как сообщает Пахимер, он подчинил и обустроил эти земли, «основал крепости и воздвиг сторожевые посты» [13, р. 153^{3–4}]. Очевидно, что целью данной кампании Палеологов было расширение и укрепление системы линейной фортификации, представленной совокупностью крепостей, усиленных заградительными укреплениями и гарнизонами, на территории, имевшей приоритетное значение в стратегических планах противников.

Таким образом, по завершении первой западной кампании Палеологов, владения империи были не только расширены; за счет захваченных крепостей, а также нейтрализации сил Михаила Эпирского и Гийома Виллардуэна были созданы все необходимые условия для сосредоточения сил империи на главной цели никейского императора – завоевании Константинополя².

Однако для отвоевания Константинополя требовалась не только профессионально и адекватно ситуации выработанная стратегическая концепция, профессиональное войско, но также создание определенных внешнеполитических условий. Организация «константинопольской кампании», безусловно, обязывала императоров к привлечению основных военных сил империи, что было возможно лишь при устранении внешней угрозы безопасности Никее. Закончившаяся успехом кампания Иоанна Палеолога на какое-то время обеспечила мирное сосуществование с западными соседями империи. Это сделало возможным перераспределение военных сил Никее, их сосредоточение и объединение под единым имперским командованием с ориентировкой на новую цель – захват прилегающих к Константинополю стратегически важных территорий. Вместе с тем ухудшение экономического и внешнеполитического положения Латинской империи также способствовало удачному исходу кампании. Очевидно, осознавая значение перечисленных обстоятельств, Михаил Палеолог начал экспедицию весной 1260 года³.

Согласно Акрополиту, войско Михаила Палеолога было слабым, что, скорее всего, характеризует его численность. Уточняя свое мнение, историк указал, что Михаил Палеолог привлек войско недостаточное для осады столицы («οὐδὲ γὰρ ἦεν ἀξιόμαχον στρατιὰν εἰς τοιαύτης πόλεως πολέωσιν») [19, р. 185¹²⁻¹³]. Эта фраза историка делает еще более очевидным предположение о том, что захват, если не города, то хотя бы Галаты изначально являлся целью кампании. Однако Акрополит объясняет это тем, что император планировал захватить Константинополь малыми силами в надежде на помощь знатного латинянина Аселя, захваченного в битве при Пелагонии и сохранившего себе жизнь обещаниями открыть ворота города [19, р. 185¹³⁻¹⁸]⁴.

На первом этапе кампании, войдя во Фракию, никейские войска захватили Силимврию, а также все близлежащие к Константинополю крепости, за исключением Афамя [13, р. 157⁸⁻¹¹]⁵. Описывая события, Акрополит указал, что для сокрытия заговора и отведения подозрения от Аселя, Михаил расположил армию у Галаты, ожидая открытия ворот и создавая видимость подготовки к осаде [19, р. 186³⁻⁷]. Тем временем к Аселю были тайно направлены посланники с требованием выполнения обязательств. Однако, как повествует историк, Асель продолжал медлить. Спустя какое-то время, Михаил Палеолог предпринял попытку запугать Аселя, подослав ночью к его дому своих людей. Но и эти меры не заставили его выполнить обещание. В качестве объяснения латинянин сообщил, что комендант («τὸ ἄρχοντα τῆς πόλεως») усилил охрану и забрал ключи от ворот города [19, р. 186⁹⁻¹⁷]. Таким образом, замысел Михаила VIII, который рассчитывал на помощь Аселя, провалился.

Сведения Акрополита о неудавшемся предательстве Аселя могут вызвать сомнение, особенно ввиду того, что Пахимер и Григора не упоминают об этом плане императора. Однако следует учесть, что Акрополит в сравнении с упомянутыми историками хронологически был ближе к изучаемому событию и явно имел больше информации. Другой вопрос, почему Пахимер и Григора не включили эту информацию в свои сочинения. Данный сюжет может вызвать множество предположений, рассматривать которые сейчас смысла не имеет. Скорее всего, это связано с развитием образа Михаила VIII, претерпевшего изменения за время, прошедшее до момента написания их сочинений. В контексте последующих событий и особенно взятия города в результате заговора и измены его жителей описанный Акрополитом замысел императора выглядит вполне разумным. Не имея сил и средств для полноценной осады и штурма Константинополя, он рассчитывал на возможность использования откровенного предательства или сил оппозиции Латинской империи.

После провала акции Аселя борьба за столицу продолжилась. Согласно Пахимеру, Михаил Палеолог в надежде на взятие Константинополя силами империи, привлекая осадные машины, провел операцию, целью

которой был штурм и захват Галаты. Во время штурма император наблюдал за ходом действий, расположившись неподалеку от Галаты, одновременно «приводя противника в изумление» («Ὡς γοῦν ὁ κρατῶν, τὰς δυνάμεις συναγαγὼν, πολλὰς οὔσας καὶ διαφόρους, τῷ Γαλατᾷ προσέβαλεν, αὐτὸς μὲν, ἐφ' ἱκανὸν μακρόθεν σκηνοποιησάμενος, ἐφ' ὑψηλοῦ καθήστο, προσορῶν τὰ δρώμενα, ἅμα δὲ καὶ πειρώμενος εὐσύνοπτος εἶναι τοῖς ἐναντίοις πρὸς ἔκπληξιν») [13, р. 171²⁵⁻²⁸]. Осада началась обстрелом стен, при этом отряды лучников обстреливали валы, на которых появились сопротивляющиеся латиняне. Анализируя сообщение историка, можно прийти к выводу, что на определенном этапе сражения ситуация всецело находилась под контролем армии Михаила VIII. Однако, как повествует Пахимер, ход сражения был изменен вспомогательным отрядом латинян, прибывшим из Константинополя в Галату на лодках. Завершилось сражение полным поражением армии Палеолога, отступившей спешно и без особого сопротивления. Усиление сопротивления осажденных, поддержанных латинянами Константинополя, а также распространение слухов («растеклись слухи») о приближавшемся венецианском подкреплении («καὶ ἅμα φήμης διαχεθείσης, ὡς ἐξ ἀποστολῆς ἐπέστησαν ἄλλοι πλείστοι καὶ ἰσχυροί») [13, р. 175⁶⁻⁷]), в понимании Пахимера, были главной причиной к отступлению никейских сил, организованному по инициативе Михаила Палеолога [13, р. 175⁷⁻⁹].

Таким образом, несмотря на различие в объяснении причин похода к Галате, данные Акрополита, Пахимера и Григоры явно указывают лишь на организацию осады города. Заметим, что прямое следование источникам, предопределившее понимание исследователями сражения у Галаты как самоцели экспедиции лета 1260 г., кажется крайне поверхностным, не раскрывающим роли и значения этого события. Анализ хода экспедиции от организации до завершения, позволяет нам предположить, что она была лишь первым этапом в большом долговременном стратегическом плане по завоеванию Константинополя, окончательно реализованным 25 июля 1261 года. Главной же целью похода лета 1260 г. была экономическая и территориальная изоляция, захват латинских владений для создания

военно-оперативных пунктов, истощение сил защитников Константинополя, а также, очевидно, создание «выгодного образа» будущей экспедиции по завоеванию Константинополя в глазах латинян ⁶.

В то же время хотелось отметить вполне ясную роль и стратегическую необходимость захвата Галаты в кампании по завоеванию Константинополя. Нейтрализация Галаты в случае успеха операции фактически открывала путь к столице со стороны Золотого Рога. Захваченные крепости, как следует из источников, не только сузили материальную базу и фортификационный потенциал латинян, но и служили плацдармом для нанесения перманентных ударов по силам города с целью их истощения ⁷, а также, возможно, ослабления бдительности обороняющихся. Завоевание крепостей, окружавших Константинополь, могло обеспечить необходимые условия для подготавливаемого Михаилом VIII покорения утраченной столицы. Очевидно, сложность захвата такого укрепленного города, как Константинополь предполагала проведение долгосрочной операции. Аналогичные мероприятия по подготовке штурма города отражены в источниках, повествующих о кампании Мехмета II. Штурму города предшествовали захват ближайших территорий и крепостей [2, с. 36, 38, 47, 84, 85, 113, 129, 147], разрушение крепостной стены Константинополя [2, с. 31]. Кроме того, султан создал дополнительные крепости [2, с. 35, 78, 112, 113, 147] для контроля над территориями и подготовки плацдарма для нанесения основного удара.

Организация летней кампании 1260 г. Михаилом Палеологом поставила Балдуина II и венецианцев перед необходимостью усилить обороноспособность столицы империи. Наибольшие трудности, вызванные слабой экономикой Латинской империи ⁸, состояли в пополнении гарнизона города подготовленными воинами. В связи с большой протяженностью «феодосиевых стен», являвшихся главной оборонительной линией Константинополя, требовались колоссальные затраты на адекватное усиление гарнизона ⁹.

Другой силой, заинтересованной в безопасности Константинополя, была Венеция. Еще В. Хейд писал о том, что существование Латинской империи зависело от республи-

ки [21, р. 427]. В одном из доступных нам источников имеется указание на обеспокоенность лигурийцев. В документе, опубликованном Д. Джианакопосом и, вероятно, относящемся ко времени после битвы у Галаты, упоминаются ссуды, которые подеста приказал потратить на усиление защиты Константинополя [17, App. В, Doc. № 1].

Дипломатия. Продолжение кампании по завоеванию Константинополя, обеспечение города соответствующим уровнем обороны требовали от Михаила Палеолога сосредоточения всего материального и военного потенциала. Это было возможно лишь при условии установления военно-политического баланса как с сопредельными государствами, так и с потенциальными противниками. Осознавая это, Палеолог предпринял ряд дипломатических шагов.

Прежде всего, в декабре 1260 г. великий логофет Акрополит был направлен с секретной миссией к болгарскому царю Константину Тиху. Результатом этой миссии было установление дружественного нейтралитета [19, р. 175²⁶; 16, р. 253].

Следующим шагом была нейтрализация восточных соседей империи. Стабильность на малоазийских рубежах была обеспечена предоставлением убежища султану Изз ал-Дину Кай-Кавусу II, бежавшему от монголов в Никиею [39, р. 72–73]. Одновременно с этим Михаил Палеолог остановил продвижение монголов заключением мирного соглашения, одним из условий которого было содержание сельджукского султана под полным контролем императора [13, р. 185¹⁰⁻²¹, 187⁴⁻⁷; 32, р. 81¹⁴⁻¹⁶] ¹⁰.

Устранив в результате сражения при Пелагонии противников из Эпира и Ахайи, Михаил Палеолог приступил к созданию военно-морского союза с генуэзцами. Создание этого альянса было стратегической необходимостью, так как окруженный морем и неприступными стенами Константинополь был несокрушим без сильной сухопутной и морской армии. Доказательством тому могли служить неудачные попытки штурма города Иоанном III Ватацем и болгарским царем Иоанном Асенем.

Альянс с византийцами не являлся новшеством в генуэзской дипломатии. Уже в эпоху династии Комнинов были подписаны соглашения, по которым императоры Мануил I

и Иоанн I предоставляли Генуе коммерческие привилегии и квартал в Константинополе. Попытки подписания соглашений против Венеции предпринимались в 1231 и 1239 гг. [3, с. 106, 111–112]. Однако по ряду причин эти проекты так и не были реализованы ¹¹.

Некоторые исследователи признали инициатором создания союза Михаила Палеолога ¹². Результатом переговоров было соглашение, подписанное в Нимфее 13 марта 1261 г. [28, р. 801; 33, р. 176]. 28 апреля Михаилом VIII в Геную было направлено соглашение с приложением, в котором император акцентировал внимание на помощи генуэзцев в защите интересов Никеи, при этом император предложил возместить затраты Генуи на снаряжение кораблей и содержание команды. Приблизительно через два с половиной месяца, 10 июля 1261 г., взаимовыгодный договор был ратифицирован в Генуе [28, р. 802]. После этого без промедления к Палеологу была направлена группа из шестнадцати триер под командованием брата подесты Марио Бокканегру [7, р. 43–44].

Весной 1261 г. Михаил II Ангел, восстановив армию после поражения при Пелагонии, вторгся в европейские владения Никеи. Для противостояния эпирскому войску Михаил VIII направил к западным рубежам армию деспота Иоанна. Тем самым борьба на данном направлении была продолжена.

Миссия Стратигопула. В то же время император приказал кесарю Алексею Стратигопулу отправиться с отрядом из восьмисот ромеев и куманов («καὶ Βίθωνος μὲν ὀλίγους μικρὸν ὑπὲρ τοὺς ὀκτακοσίους, τοὺς» [32, р. 83¹⁰]) во Фракию для предотвращения продвижения болгарской армии Константина Тиха [13, р. 191¹²⁻¹⁵]. Император рекомендовал Стратигопулу «и иную цель». По пути следования отряд кесаря должен был, проходя у Царицы городов, главным образом «грозить мечом итальянцам, и только это делать, поскольку войска мало» [13, р. 191²⁰⁻²³]. Следуя описаниям первого этапа «константинопольской кампании» Стратигопула ¹³, представленным в сочинениях Пахимера и Григоры, кроме этого, никаких поручений от Михаила Палеолога кесарь не получал ¹⁴.

Существенно отличается трактовка этих событий Акрополитом, упомянувшим лишь

о том, что кесарь был направлен против западных врагов империи, и, «приблизившись к Константинополю..., [должен был] приступ некий... сделать (ἔφοδόν τινα... ποιήσασθαι)» [19, р. 190⁷⁻⁹]. Приведенная фраза явно указывает на то, что в задачи отряда Стратигопула входило нападение на Константинополь. Можно предполагать, что миссия полководца и его отряда имела не одну цель. Тем не менее, несмотря на некоторые различия в понимании авторами целей похода кесаря, источники указывают на непредвиденность захвата Константинополя¹⁵.

В научной литературе сообщения источников породили два противоположных мнения относительно характера захвата Константинополя. Большинство ученых, всецело доверяя данным и оценкам византийских авторов, определили это событие как спонтанный, неподготовленный захват города малыми силами. При этом подчеркивалось, что никейский военный отряд объективно не был предназначен, а также не был способен сокрушить оборону столицы Латинской империи [5, с. 310; 1, с. 127; 35, р. 449; 9, р. 40–41; 42, с. 236; 41, с. 38–40; 36, pp. 251–252]. Степень невнимания исследователей к столь значимому событию характеризуется мнением Т.М. Колбаба. Она считает, что захват Константинополя в 1261 г. дело провидения, чудо, то есть перефразируя автора, это случайное, незапланированное людьми событие, произошедшее под действием иррациональной трансцендентной силы [23, р. 130]. Более близкой к истине представляется точка зрения А. Гарднера, предположившего, что кампания была подготовлена и ее целью был захват Константинополя [16, р. 255]. Полагаем, что материал источников дает все основания для выдвижения гипотезы о запланированном и детально проработанном характере похода кесаря к столице Латинской империи. Об этом, в частности, свидетельствует сообщение Пахимера, который, описывая события константинопольского похода, указал, что после прибытия к городу Стратигопула, в расположение его войска сразу же прибыли телематарии [13, р. 191²⁵⁻²⁷, 193^{1-9, 17-21}; 32, р. 84¹⁵⁻²³, 85¹⁻⁶, 85⁸⁻¹¹].

Телематарии. В период латинского господства окрестности Константинополя от Пропонтиды до Черного моря населялись людьми, названными в источниках телемата-

риями¹⁶. Исходя из значения этого термина, можно сделать вывод, что они обеспечивали себя заработком, работая по найму. Поскольку латиняне Константинополя испытывали затруднения в людских ресурсах, они, очевидно, использовали труд телематариев как внутри, так и вне стен города. В то же время, установив дружественные отношения с телематариями, Никея имела возможность ежедневно получать достоверную информацию относительно событий внутри города¹⁷.

Определяя происхождение телематариев, исследователи предположили, что они могли быть сыновьями солдат византийской армии, распущенной после захвата столицы в 1204 г. [17, р. 95, note 12]. Также, по мнению Д. Джиакоплоса, они, возможно, могли быть беженцами ромейского происхождения, покинувшими территории, захваченные болгарскими и латинскими войсками после 1204 г. [17, р. 95].

В связи с вышеуказанным заметим, что предположения исследователей носят исключительно умозрительный характер, так как данные источников не дают прямых указаний на этническое или социальное происхождение телематариев. С уверенностью можно утверждать, что эта группа населения проживала в пригородах Константинополя. Так, Пахимер впервые упомянул телематариев в пассаже, посвященном экспедиции Михаила Палеолога летом 1260 г. [13, р. 157¹²⁻²⁸]. Указание на ведение ими хозяйственной деятельности, а также собственно военная помощь, оказанная ими при захвате Константинополя войску Стратигопула, позволяют предположить, что телематарии были представлены сельским населением, занимавшимся помимо этого военной деятельностью в качестве вольнонаемников¹⁸.

Полагаем, что в группу телематариев входило население пригорода, состоявшее из беженцев, недавних переселенцев. Подтверждением последнего тезиса выступает упоминание о телематариях, принимаемых на службу султаном Египта Бейбарсом. Этим наименованием Пахимер обозначил вольнонаемных воинов-куманов. Также следует обратить внимание на указание Пахимера о наличии в войске ромеев телематариев в сражении при Апросе. Очевидно, в этом случае упомянуты обычные наемники ромейского происхождения – добровольцы, вербуемые на службу при

необходимости увеличения численности войск. Наше предположение и, соответственно, возражение мнению М. Бартусиса основывается также на отсутствии иных упоминаний о службе телематариев, которых следует ожидать со всей очевидностью в случае обретения телематариями особого воинского статуса и установлении постоянного характера их службы.

Дафнусия. Предположение о спланированном силовом захвате Константинополя представляется более аргументированным в связи с передислокацией главных венецианских морских сил из Константинополя к крепости Дафнусия и последующей ее осады¹⁹. Эта экспедиция латинян к никейской крепости означала нарушение договора, заключенного в сентябре 1260 г. между Михаилом Палеологом и Балдуином II (о достигнутых договоренностях сообщает Акрополит [19, р. 186¹⁹⁻²⁰]). Причины отплытия венецианского флота численностью в тридцать судов к Дафнусии представлены в источниках неоднозначно²⁰.

Согласно Акрополиту, цель командующего экспедицией, недавно назначенного на должность подеста Марко Градениго, было побуждение латинян к активной борьбе с никейцами [19, р. 191⁵⁻⁸]. Эти данные сделали возможным предположение А. Милиаракиса о том, что, с одной стороны, Венеция стремилась захватить Дафнусию, так как от Босфора до Ираклийского Понта она была единственным портом [43, с. 592, сн. 1]. По мнению Д. Джианакопоса подеста попал в ловушку Михаила VIII, который старался побудить флот венецианцев удалиться из Константинополя, чтобы облегчить задачу войску Стратигопула [17, р. 100]. О. Кристя считает, что в 1261 г., как и в 1257 г. в Месемврии, Венеция только отвечала на инициативы Никеи, которые угрожали военной безопасности и снабжению столицы Латинской империи. Экспедиция Градениго должна была воспрепятствовать превращению Дафнусии в мощную морскую базу Византии и ее союзника Генуи [11, р. 141]. С другой стороны, Дафнусия была единственным портом-убежищем для венецианских судов, преследуемых генуэзцами [15, р. 342]. Здесь следует отметить важное сообщение Акрополита, который упомянул, что весь латинский флот, включавший множество лодок, судов, триер и дромонов, выступил к острову Дафнусия, чтоб

«попытаться его захватить и пожитья добычей» [19, р. 191⁹⁻¹²]. Акрополиту вторит Пахимер, подчеркивая, что «все итальянские силы отправились захватить остров Дафнусия, ушли и уже много дней там находятся» [13, р. 193⁶⁻⁸].

Оба приведенных пассажа, свидетельствуя о выводе всех сил Константинополя к Дафнусии, явно указывают на большое значение острова для венецианцев. В то же время упоминание о захвате острова, представленного как главная задача экспедиции, дает возможность предположить, что Дафнусия, принадлежавшая Венеции временно, вышла из-под ее подчинения и находилась под контролем Никеи. Возможность грабежа, о которой сообщил Акрополит, явно указывает на тот факт, что население острова было представлено греками. Исходя из этого, можно сделать вывод, что временную независимость Дафнусия обрела в ходе восстания, организованного жителями города.

Данные, представленные Марино Санудо Торчелло, стали основанием для крайне неопределенного и, безусловно, спорного утверждения Д. Джианакопоса о заговоре между подестой и Михаилом Палеологом [17, р. 99–100; 22, р. 114]. Сообщениям латинянина, по логике исследователя, также вторят высказывания, встречающиеся в источнике Hebraeus Abulfarae. Автор указал, что Михаил VIII спровоцировал отбытие венецианских кораблей, пообещав Балдуину II крепость Дафнусия. После ухода императора и флота Константинополь был захвачен прибывшими никейцами. Анализируя гипотезу, выдвинутую ученым, хотелось бы заметить, что упомянутое в арабском источнике участие в походе Михаила VIII [17, р. 101]²¹ свидетельствует о прямом искажении фактов, либо же о неосведомленности автора и, соответственно, ставит под сомнение некоторые его высказывания²².

Фактически, из неромейских источников лишь Мартин да Каналь вторит византийцам. Венецианский хронист сообщил, что «из-за недостаточной охраны греческий полководец с большой компанией греков захватил ночью Константинополь, в то время как подеста был на Востоке с большинством венецианских сил» [25, р. 480].

Главные источники, сообщающие данные по второму этапу кампании, это труды Акропо-

лита и Пахимера²³, тогда как остальные – лишь повторение сочинения великого логофета. При этом необходимо учитывать, что Пахимеру в то время было уже 19 лет [24, S. 288]. Это означает, что историк имел возможность получить информацию о происходившем без существенных искажений.

Снова Стратигопул. История военного похода начинается с того момента, когда по приказу императора Михаила войско под руководством кесаря Алексея Стратигопула выдвинулось во Фракию и Македонию [19, р. 190⁴⁻⁷; 13, р. 191¹²⁻²¹; 32, р. 83³⁻¹²]. По сообщению источников, этот поход был спровоцирован активизацией военных действий армии Михаила II Ангела²⁴. После непродолжительного марша войско Стратигопула остановилось лагерем у Силимврии [32, р. 83¹⁹; 13, р. 191²⁴⁻²⁷]. В течение первых суток после разбивки лагеря к Алексею прибыли телематарии. В беседе со Стратигопулом телематарии информировали его об отплытии флота и, очевидно, сообщили о численности гарнизона, после чего предложили ему захватить город [32, р. 84¹⁵⁻²³, 85¹⁻⁶, 85⁸⁻¹¹; 13, р. 193^{1-9, 17-21}].

Обсудив предложение телематариев на военном совете, «подавшись на уговоры» своего племянника Алексея, кесарь принял решение о подготовке захвата города. Вторжение в Константинополь было начато ночью [19, р. 191¹⁵⁻¹⁶; 32, р. 85¹⁹⁻²⁰; 13, р. 195²⁻³] по прошествии нескольких дней после принятия решения о взятии города [32, р. 85¹⁸]. Описание боевых действий, приведенное Акрополитом и Григорой с одной стороны, и Пахимером с другой, по ряду аспектов разнятся, но в одном они совпадают: помощь телематариев заключалась в подготовке и проведении первой части операции. Они должны были собственными силами, устранив стражу, открыть ворота у источника Божьей матери (ворота со стороны Силимврии), где их ожидало перебравшееся через внешнюю стену войско Стратигопула [32, р. 85¹¹⁻¹⁷].

Отличаются сообщения греков в описании способа преодоления никейской армией внешней стены города. Пахимер указывает, что воины Стратигопула перебравшись через стену посредством лестниц [13, р. 195⁴⁻⁹, 197³⁻⁵]. Описывая порядок преодоления внешней стены, Акрополит и Григора указывают,

что войско кесаря пробралось через стену посредством тайного хода, ведущего к источнику храма Божьей матери [19, р. 191; 32, р. 85], который, добавляет Григора, «как будто бы нарочно заранее кем-то был вырыт» [32, р. 85¹³⁻¹⁴]. Это пояснение делает возможным предположение о связи событий июля 1261 г. с событиями лета 1260 г., в очередной раз ставя под сомнение случайный характер кампании по завоеванию Константинополя.

С сюжетом штурма и собственно завоевания города также связан следующий ряд проблем:

- боевой состав войска Стратигопула;
- численность и боеспособность городской стражи;
- хронология событий.

Одним из наиболее важных элементов успеха осаждающей город или крепость армии являлась ее боеспособность, напрямую зависевшая от состава войска. Данные касательно состава отряда кесаря Алексея, приведенные в источниках, крайне противоречивы. Акрополит обращает внимание на этот вопрос лишь при описании хода сражения в городе, указывая на присутствие в нем ромеев и скифов [19, р. 192⁵⁻⁶]. Под скификоном, упомянутом Пахимером [13, р. 191¹³], в историографии принято понимать куманскую конницу [13, р. 191], что аргументируется данными историка о найме на службу скифов и турок в период правления Иоанна Ватаца [44, с. 954–955; 9, р. 40]. По свидетельству Григоры, Михаил, направляя кесаря в поход, советовал ему в случае надобности пополнить войско солдатами из Фракии и Македонии [32, р. 83¹¹⁻¹²]. Тем не менее под упомянутыми скифами вероятнее всего понимать куманов, находившихся к моменту организации похода на службе у Михаила Палеолога. Данные, характеризующие куманов как прекрасных лучников [19, р. 180¹³⁻¹⁷], также позволяют нам предположить их участие в осаде города. В этой связи необходимо заметить, что при описании событий 1260 г. Пахимер указывает на присутствие никейских лучников [13, р. 173⁴⁻⁷], которые «стреляли так метко, что ни одно лицо противника не было оставлено без внимания» [13, р. 173⁵⁻⁷]. Полагаем, что в этих двух пассажах речь идет об одних и тех же воинах. Однако необходимо учитывать тот

факт, что в 1261 г. боевые действия велись на внутренней территории крепости.

Принимая во внимание способ, посредством которого воины пробрались в Константинополь, а также гипотетический боевой потенциал армии, которая могла бы одержать победу над стражей крепости, следует предположить участие в операции солдат, обладавших достаточным оборонительным вооружением для принятия на себя удара первой, самой ожесточенной и наиболее организованной волны сопротивления. Таким образом, думается, что на первом этапе захвата города, в его активной фазе, никейское войско было представлено вифинской тяжелой пехотой, о которой сообщает Григор [32, р. 83^{10, 13}]. В последующем боевой потенциал атакующих, вероятнее всего, был дополнен и многократно увеличен за счет лучников куманской конницы.

Для реконструкции хода сражения немаловажным является вопрос о численности участвовавших в баталии войск. Однако единственное указание на численность войска кесаря в 800 единиц зафиксировано в сочинении Григоры [32, р. 83¹⁰]. Количество воинов, сообщенное историком, не является случайной цифрой. Так, в одном из пассажей он указывает на наличие в подчинении у великого коноставла Михаила Палеолога войска латинян аналогичной численности [32, р. 18¹⁷⁻¹⁸, 19²⁴⁻²⁵]. Таким образом, войско в указанном количестве, вероятно, составляло боевую единицу средней численности, возможно, таксию.

Численность противоборствующей стороны – стражи города нам неизвестна. Исходя из имеющихся данных об отбытии из Константинополя всего венецианского флота, а также отсутствия сообщений о крупных военных действиях в самом городе, можно предположить, что столицу покинули все существенные боевые силы, включая гарнизон. Войско кесаря планомерно брало под контроль территорию города, очевидно, лишь эпизодически сталкиваясь с малочисленной стражей и незначительными силами горожан. По данным Пахимера, воины кесаря лишь однажды столкнулись в городе с латинянами в сверкающих доспехах («прибыли итальянцы, сверкая оружием, явно демонстрируя готовность защищаться» [13, р. 197³⁰⁻³²]). В непродолжительном сражении, не описанном в источнике детально, одержали

победу византийцы [13, р. 199³⁻⁶], после чего «скифы» из войска кесаря «принялись грабить» горожан [13, р. 199⁶⁻⁸].

Описание событий, произошедших после начала сражения за город, также сильно различается в источниках. Как указывает Григор, вошедшие ночью войска кесаря утром зажгли дома латинян [32, р. 85¹⁹⁻²³]. Венецианцы, отбившие с флотом, узнали об этом в течение дня, после чего они отправились к Константинополю [32, р. 86¹³⁻¹⁵]. Утром следующего дня латиняне прибыли к городу. Обнаружив собственные дома в огне, они упростили кесаря разрешить вывезти семьи [32, р. 86¹⁵⁻¹⁸]. Следующим утром латиняне покинули город [32, р. 86¹⁸⁻²¹]. Таким образом, указанное историком время до полного изгнания латинян из столицы составило 2,5–3 суток. В то же время указание Григоры о том, что армия, прибывшая с флотилией, даже не вступила в бой с ромеями и была вынуждена лишь спасти собственные семьи, свидетельствует о том, что уже к этому времени ключевые оборонительные рубежи Константинополя полностью контролировались войском кесаря.

Установить временные рамки военной операции по данным Акрополита и Пахимера не представляется возможным, однако они дают нам несколько иное представление о хронологии событий. Акрополит, в частности, указывает, что дома латинян и венецианцев были подожжены при возникновении угрозы вторжения прибывших к городу латинян [19, р. 192²⁰⁻²⁴]. Последние спасли собственные семьи и увезли из города Балдуина II [19, р. 193²⁻³].

Пахимер сообщил о захвате города в той же последовательности событий, при этом привнес в сюжет новые данные. В пассаже, связанном с прибытием к столице латинян, узнавших о захвате города, историк указывает, что греки, дабы избежать столкновения с ними, по совету лекаря Балдуина II Иоанна Филакса подожгли дома латинян и венецианцев [13, р. 201⁵⁻²³]. Дезорганизовав этим вражеское войско, греки стремились отвлечь внимание латинян от сопротивления ромеям, вынудив сосредоточиться на спасении своих семей. Таким образом, Стратигопул не только отвлек венецианцев от участия в военных действиях, но и создал все условия для предотвращения

провокации с их стороны. На следующий день после пожара латиняне покинули столицу [13, р. 203⁶⁻⁹]. Таким образом, днем окончания кампании по взятию города, ознаменовав его отвоевание, обозначено 25 июля 1261 г. [19, р. 193⁷⁻⁸]. Если учесть вышеуказанное, то полное время операции по захвату города, включая подготовку, заняло у никейской армии до 4-х суток, то есть ее начало пришлось на вечер 20, либо утро 21 числа [32, р. 86⁵⁻¹³].

Реакция Михаила VIII. После описания хода завоевания города историки изложили события, связанные с оповещением императора о случившемся. При этом характерно, что данные источников фактически идентичны: к Михаилу прибыл некий человек с вестью о взятии Константинополя [19, р. 193¹⁰⁻²⁴, 194¹⁻²³; 13, р. 205¹³⁻²¹⁵²⁹; 32, р. 86²¹⁻⁸⁷¹⁰]. На фоне недоверия его словам император собрал совет, на котором предстояло решить вопрос об истинности известия. Примечателен тот факт, что при описании этого события Акрополит указывает на присутствие на совете людей, знавших о походе латинян к Дафнусии [19, р. 194⁹⁻¹¹]. Данное сообщение позволяет нам сделать вывод о том, что столь значимое событие не могло быть скрыто от императора, которому, возможно, было о нем известно еще до похода Стратигопула. Учитывая совпадение времени отплытия латинского войска и захвата Константинополя, с большей очевидностью можно предположить, что причина, вынудившая весь латинский контингент столицы отправиться к Дафнусии, была обусловлена действиями, инициированными по решению Михаила Палеолога.

Отсутствие свидетельств, явно указывающих на непосредственное участие императора Михаила в кампании по завоеванию Константинополя, было обусловлено двумя разнородными факторами.

Первое условие: вовлечение в военную кампанию императора привело бы к включению в нее сопровождающей охраны и большого контингента войск. Это могло привести к исключению момента внезапности, во многом определявшего успех в действиях любой средневековой армии, а, следовательно, к сосредоточению и ожесточенному сопротивлению всех сил противника. Подобная ситуация прослеживается по данным источни-

ков. Так, в завоевательном походе лета 1260 г. принял участие довольно значительный по численности контингент никейских войск во главе с императором, что привело к печальным для Михаила Палеолога последствиям. Кампания никейской армии, не сумевшей одержать победу над малочисленными силами обороняющихся латинян, была провалена [13, р. 173²³⁻¹⁷⁵¹¹]. Подобный боевой опыт мог подвигнуть императора к принятию верного с точки зрения тактики решения о неучастии, оставляя тем самым стратегическую инициативу на стороне войска кесаря Алексея.

Второе условие носило риторический характер. На наш взгляд, узурпация власти Михаилом Палеологом, безусловно требовавшая подтверждения его Богоизбранности как главного условия легитимации правления, могла повлиять на оценку событий и характер описания военных действий в официальных нарративных источниках. Полагаем, это могло определить общее для всех историков понимание завоевания Константинополя как Божьего провидения [19, р. 190¹¹⁻¹⁹¹¹; 13, р. 211^{11-13, 16-17, 21-23}], судьбы («неизбежная имормена, управляющая всем, как бездушным, так и городами») [13, р. 193¹⁹⁻²⁰]²⁵, чуда, предопределившего победу малочисленного войска Богоугодного василевса над латинянами, не раз успешно оборонявших Царицу городов на протяжении 57 лет [13, р. 213¹⁻⁸].

Выводы. Таким образом, подводя итоги вышесказанному, следует выделить несколько положений. Захват столицы отрядом Алексея Стратигопула представляется нам результатом многоэтапной и долгосрочной кампании. На первом этапе византийская армия предприняла ряд мер, направленных на захват территорий, крепостей и городов вблизи столицы империи, создавая базу для последующих атак. Кроме того, отряды ромеев регулярно совершали рейды к Константинополю с целью ослабления бдительности гарнизона. Эти мероприятия приобрели большее значение в связи с принятием на службу наемного генуэзского флота, а также последовавшим за этим отплытием основных сил латинян из столицы к Дафнусии. Планомерная реализация указанных мероприятий позволила малочисленному контингенту никейских войск сломить сопротивление латинян и отвоевать город.

После захвата Константинополя кесарь стремился уберечь город от сохранявшейся опасности военно-морского нападения латинян. С поддержкой греческого населения Стратигопул организовал круглосуточную охрану улиц и разрушенных за время латинского господства стен столицы [13, р. 215²²⁻²⁷]. Тремя неделями позднее, 15 августа 1261 г., было организовано торжественное прибытие в город императора Михаила VIII [37, Chron. 7, S. 63, № 3, 1–5]²⁶.

Итак, итог осуществленного нами обзора темы заставляет думать о том, что в 1261 г. Константинополь был взят не случайно, а в результате осуществления по сути коварного замысла императора Михаила VIII Палеолога, который, не имея достаточных для полноценной осады города вооруженных сил и средств, дважды пытался овладеть столицей Латинской империи в расчете на внутренний фактор в виде измены или поддержки антилатинских сил. Второй вариант оказался успешным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сражение произошло в долине при Пелагонии. Вопрос датировки баталии имеет дискуссионный характер [34, р. 71 (лето («в июле?») 1259 г.); 18, р. 116–119; 17, р. 66–72 (лето 1259 г.); 35, р. 448 (осень 1259 г.); 20, р. 16–17; 9, р. 36–38 (1259 г.)]. По мнению А. Файе, битва при Пелагонии произошла в период с конца 1258 до начала 1259 г. [14, р. 30–39; 13, р. 118, note 2].

² По сообщению Пахимера, после окончания военных действий на Западе, Иоанн Палеолог перенаправил никейские войска на Восток. Так как в этот период Никея не испытывала явной угрозы для безопасности малоазийских владений, очевидно, историк указывал на передислокацию войск в восточный регион под командование Михаила Палеолога для участия в константинопольской кампании [13, р. 153⁵⁻⁶].

³ А. Файе определил хронологию этого похода между январем и апрелем 1260 г. [14, р. 46–47]. Д. Джианакполос полагал, что на решение об организации этой кампании, прежде всего, повлияло слабое экономическое состояние Латинской империи [17, р. 75–76].

⁴ Указанное лицо точно идентифицировать невозможно, что, в частности, подтверждается отсутствием упоминаний о нем в PLP. Тем не менее в научной литературе утвердилось мнение, что

под упомянутым Акрополитом Аселем, понимался именно Ансо де Туси [4, с. 81; 17, р. 76, note 7].

⁵ Силимврия находилась в 60 км на запад от Константинополя.

⁶ Следуя размышлениям Григоры [32, р. 78], Д. Джианакполос предполагает, что захват Галаты был стратегически необходим Михаилу Палеологу на пути к захвату Константинополя [17, р. 78, note 19]. По фортификации Галаты см.: [37]. Также мы бы хотели подчеркнуть вполне логичное предположение Д. Найкола о том, что Михаил VIII прекрасно осознавал, что без флота Галату не удастся захватить [33, р. 175–176].

⁷ Как сообщает Акрополит, поход на Галату закончился продлением соглашения о мире с латинянами еще на один год. При этом автор указал, что это соглашение «довел[о] их (латинян. – В. 3.) до крайне тяжелого положения» [19, р. 186²¹⁻²²].

⁸ Подчеркивая экономическую слабость Латинской Романии, Р. Вольф указал, что для получения ссуды Балдуин II вынужден был отдать в заложники собственного сына Филиппа [40, р. 45]. Об этом, в частности, упомянул Санудо [30, р. 171].

⁹ В качестве доказательства указанного тезиса, следует заметить, что по всей протяженности стен располагалось сто девяносто две башни, на расстоянии в сто семьдесят два фута друг от друга, что, безусловно, требовало многочисленного гарнизона [31, р. 46].

¹⁰ О союзнических отношениях Михаила с султаном, начавшихся после участия ромейского отряда латинских наемников в союзном турецком войске, сообщает Акрополит [19, р. 176¹⁹⁻²⁴, 177¹⁻²²]. Также см.: [26, р. 349].

¹¹ Вероятно, соглашение не было достигнуто из-за боевых действий Генуи против союзника Иоанна III Ватаца – Фридриха Сицилийского, а также по причине негативного отношения первого к экономическому доминированию латинян в Средиземном и Черном морях. Так, Григора указал, что Ватац стремился забрать морское могущество из рук итальянцев [32, р. 43²⁰].

¹² Характеризуя эту акцию, А. Гарднер заявил, что создание альянса с Генуей было одним из важнейших достижений Михаила Палеолога [16, р. 254–255]. Так же оценил инициативу Палеолога К. Чапман [10, р. 42]. Предположение об отправке никейских посланников в Геную выдвинул Ж. Лоньон [27, р. 226].

¹³ Ввиду отсутствия в источниках информации о точной дате начала экспедиции, в научной литературе датировка получила различные вариации. А. Милиаракис предположил, что поход был начат в начале 1261 г. [43, с. 589].

¹⁴ Следует указать, что Пахимер сообщает о недостаточном количестве воинов для организации

большого, чем предписывалось императором [13, р. 191²²⁻²³]. Мануил Оловол, описывая войско Стратигопула, также как и большинство современников акцентировал внимание на его малочисленности: «στράτευμα βραχὺ μὲν ὄν» [29, р. 67].

¹⁵ К уже указанным источникам следует отнести и Мануила Оловола: «γράμμα δὲ σὸν βασιλεῦ, ...τούτοις ἐτίθει τὰ τοῦ σκοποῦ καὶ βραχὺ μὲν παρῶσαι τὰ πρὸς δυσμάς, τὴν δὲ Κωνσταντίνου περιελεῖν καί, τοῖς ἐν αὐτῇ δεῖμον τε φόβον τε καὶ θροῦν αἰφιδίως ὑποβαλεῖν» [29, р. 66].

¹⁶ οἱ θεληματοῦροι [13, р. 157¹⁸]. Д. Джиа-накопос без аргументации предположил, что по своему происхождению телематарии были греками [17, р. 95]. По данным Санудо, «венцианцы с большим трудом сумели дочинить (пригород. – В. 3), потому как встретились с ожесточенным сопротивлением живущих рядом с Константинополем граждан» [30, р. 171].

¹⁷ В этой связи, следуя сообщениям Пахимера, можно сделать вывод, что дружеские отношения ромеев с телематариями, очевидно, кроме всего прочего выполнявших функции разведчиков, были установлены еще до похода к Галате, сразу после захвата Силимврии [13, р. 157^{18, 25-28}].

¹⁸ В отношении телематариев М. Бартусис ограничился сообщением об их дальнейшей судьбе. Исследователь предположил, что они представляли отдельную категорию военнослужащих, находившихся на обеспечении империи не только в XIII, но и в XIV в. [9, р. 44; 8, р. 13–15].

¹⁹ Об этом сообщают византийские историки [19, р. 191¹⁰⁻¹²; 13, р. 193⁵⁻⁹; 32, р. 85⁵⁻⁸]. Д. Джиа-накопос и М. Бартусис расположили крепость к востоку от Босфора на небольшом острове в Черном море на расстоянии семидесяти миль от Босфора [17, р. 97–98]. По мнению Р. М. Шукурова, Дафнусией называли остров, расположенный в Черном море, в 52 милях от Босфорского пролива [6, с. 183, примеч. 193].

²⁰ По данным Акрополита, Константинополь остались защищать лишь дети, женщины, гарнизон и охрана императора [19, р. 191¹²⁻¹⁵].

²¹ Несмотря на столь явное искажение фактов, Б. Шпулер охарактеризовал Hebraeus Abulfarae – современника событий, арабского историка, как одного из наиболее осведомленных и беспристрастных авторов из писавших о Византии [38, S. 12].

²² Продолжая анализировать текст Д. Джиа-накопоса, хотелось бы заметить, что автор определил отбытие венецианцев к Дафнусии как совпадение, экспедиция же Стратигопула не была направлена на захват Константинополя. В то же время исследователь не забывает и о переговорах с телематариями и жителями столицы, предварившими ее захват. В этой связи рассуждения Д. Джиа-накопоса пред-

ставляются абсолютно неясными. Исследователь определенно заявляет о случайности захвата Константинополя, вызванного неожиданным уходом латинских сил города, одновременно акцентируя внимание на роли стовора жителей столицы с Михаилом Палеологом, во многом повлиявшем на дальнейшие события [17, р. 102].

²³ В трактовке Д. Джиа-накопоса, различие в источниках определено большей религиозностью Акрополита [17, р. 107]. Эта критика, вероятно, вызвана поверхностным знакомством с текстом Пахимера, отведшего «божественному предопределению» центральное место в своем сочинении и придавшего ему роль главной движущей силы в захвате Константинополя.

²⁴ Следуя сообщениям источников, помимо основной стратегической цели, поход никейского войска мимо латинских территорий был направлен на устрашение противника и причинение ему возможного экономического ущерба с целью деморализации [19, р. 190⁷⁻¹¹; 13, р. 191²⁰⁻²⁴; 32, р. 83¹²⁻¹⁸].

²⁵ Пахимер передал предсказание, согласно которому «Алексей, Алексопул и Кутрицакий» захватят Константинополь [13, р. 203¹¹⁻²¹].

²⁶ По данным одной малой хроники, повторное воцарение Михаила Палеолога произошло после захвата Константинополя отрядом кесаря Алексея Стратигопула, 25 июля 1261 г. [12, Chron. 8, S. 75].

REFERENCES

1. Diehl Ch. *Istoriya Vizantiyskoi imperii* [History of the Byzantine Empire]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. lit., 1948. 160 p.
2. Lyubarskiy Y.N., Sobol T.I., eds. *Vizantiyskie istoriki o padenii Konstantinopolya v 1453 godu* [Byzantine Historians on the Fall of Constantinople in 1453]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2006. 192 p.
3. Zhavoronkov P.I. Nikeyskaya imperiya i Zapad (vzaimootnosheniya s gosudarstvami Apenninskogo poluostrova i papstvom) [The Empire of Nicaea and the West (Relations with the States of the Apennine Peninsula and the Papacy)]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1974, vol. 36, pp. 100-121.
4. Zhavoronkov P.I. Nikeyskaya imperiya i frantsuzskoe rytsarsstvo (Anso de Kaio i Anso de Tusi) [The Nicene Empire and French Chivalry (Anso de Cayo and Anso de Toucy)]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 2000, vol. 59 (84), pp. 79-85.
5. Uspenskiy F.I. *Istoriya Vizantiyskoy imperii* [History of the Byzantine Empire]. Vol. 5. Moscow, AST Publ.; Astrel Publ., 2005. 560 p.
6. Shukurov R.M. *Velikie Komniny i Vostok* [The Grand Komnenoi and the Orient] (1204–1461). Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2001. 448 p.

7. Balard M. *La Romanie génoise: (XIIe – début du XVe siècle). Vol. I.* Rome, École française de Rome, 1978. 494 p.
8. Bartusis M.C. On the Problem of Smallholding Soldiers in Late Byzantium. *Dumbarton Oaks Papers*, 1990, vol. 44, pp. 1-26.
9. Bartusis M.C. *The late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453.* Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1992. XVII, 438 p.
10. Chapman C. *Michel Paléologue, restaurateur de l'Empire byzantin (1261–1282).* Paris, E. Figuière, 1926. 204 p.
11. Cristea O. La reconquête byzantine de Constantinople et l'action vénitienne à Daphnousia. *Il Mar Nero*, 2004, vol. 4, pp. 137-142.
12. Schreiner P., ed. *Die Byzantinischen Kleinchroniken. T. I.* Wien, Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975. 688 S.
13. Failler A., Laurent V., eds. *Georges Pachymérés. Relations historiques. Vol. I. Liv. I–III.* Paris, Soc. d'éd. "Les belles lettres", 1984, pp. 327-667.
14. Failler A. Chronologie et composition dans l'histoire de Georges Pachymère. *Revue des études byzantines*, 1980, vol. 38, pp. 5-103.
15. Finlay C. *A History of Greece, from Its Conquest by the Romans to the Present Time, B.C. 146 to 1864. Vol. III.* Oxford, Clarendon Press, 1877. 538 p.
16. Gardner A. *The Lascarids of Nicaea: The Story of an Empire in Exile.* London, Methuen & Co., 1912. XIII, 321 p.
17. Geanakoplos D. *Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258–1282: A Study in Byzantine-Latin Relations.* Cambridge, HUP, 1959. XII, 434 p.
18. Geanakoplos D. Greco-Latin Relations on the Eve of the Byzantine Restoration: The Battle of Pelagonia (1259). *Dumbarton Oaks Papers*, 1953, vol. VII, pp. 99-141.
19. Heisenberg A., ed. *Georges Acropolites. Historia. Vol. I.* Lipsiae, In aedibus B.G. Teubneri, 1903, pp. 1-198.
20. Head C. *Imperial Twilight: The Palaiologos Dynasty and the Decline of Byzantium.* Chicago, Nelson-Hall, Cop., 1977. VIII, 210 p.
21. Heyd W. *Histoire du commerce du Levant au Moyen Age. Vol. I.* Leipzig, O. Harrassowitz, 1885. 556 p.
22. Hopf C., ed. *Istoria del regno di Romania sive Regno di Morea composa per Marino Sanudo. Chroniques Gréco-Romanes.* Berlin, Weidmann, 1973, pp. 99-170.
23. Kolbaba T.M. Byzantine Perceptions of Latin Religious Errors: Themes and Changes from 850 to 1350. *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World.* Washington, DO Research Library and Collection, 2001, pp. 117-143.
24. Krumbacher K. *Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453).* München, Beck, 1897. 1193 S.
25. Polidori-Galvani F.L., ed. *La Cronique des Venéciens de maistre Martin da Canal. Archivio storico Italiano*, 1845, T. VIII, pp. 229-798.
26. Laurent V. Une famille turque au service de Byzance, les Mélikès. *Byzantinische Zeitschrift*, 1956, Bd. XLIX, S. 349-368.
27. Longnon J. *L'empire Latin de Constantinople et la principauté de Morée.* Paris, Payot, 1949. 363 p.
28. Manfroni C. Le relazioni fra Genova l'imperio bizantino e i Turchi. *Atti della Società ligure di storia patria*, 1896, t. XXVIII, pp. 651-809.
29. Treu M., ed. *Manuelis Holoboli Orationes. Programm des Königlichen Victoria-Gymnasiums zu Potsdam, Ostern, 1906/1907. Bd. 2.* Potsdam, s.n., 1907, S. 30-98.
30. Hopf C., ed. *Marini Sanudi Torselli. Fragmentum. Chroniques Gréco-Romanes.* Berlin, Weidmann, 1973, pp. 170-174.
31. Millingen A. van. *Byzantine Constantinople: The Walls of the City and Adjoining Historical Sites.* London, J. Murray, 1899, XI, 361 p.
32. Schopen L., Bekker I., eds. *Nicephorus Gregoras. Historia Romana. Vol. I.* Bonn, Weber, 1829. 568 p.
33. Nicol D.M. *Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural.* Cambridge; New York, CUP, 1988, X, 465 p.
34. Nicol D.M. The Date of the Battle of Pelagonia. *Byzantinische Zeitschrift*, 1956, Bd. 46, S. 68-71.
35. Ostrogorsky G. *History of the Byzantine State.* New Brunswick, N.J., RUP, 1969. XL, 624 p.
36. Papadopoulou T. The esperia gene in Byzantine Literature Before and After the First Capture of Constantinople (mid.-12th to mid.-13th c.). *Byzantium and the West Perception and Reality (11th – 15th c.).* Abingdon, Oxon; New York, Routledge, 2019, pp. 245-256.
37. Schneider A.M., Nomides M. *Galata: Topographisch-archäologischer Plan.* Istanbul, Universum Matbaası, 1944. VIII, 59 S.
38. Spuler B. *Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220-1350.* Leipzig, J.C. Hinrichs, 1939. XIV, 533 S.
39. Vásáry I. *Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365.* New York, CUP, 2005. 230 p.
40. Wolff R.L. Mortgage and Redemption of an Emperor's Son: Castile and the Latin Empire of Constantinople. *Speculum*, 1954, t. XXIX, pp. 45-84.
41. Agoritsas D.K. *Kōstantinoupolē: ē polē kai ē koinōnia tēs sta chronia tōn prōtōn Palaiologōn (1261–1328)* [Constantinople: The City and Its Society in the Age of the First Palaiologoi (1261–1328)]. Thessaloniki, Center of Byzantine research, 2016. 576 p.
42. Karagiannopoulos I. *To Byzantino kratos* [The Byzantine State]. Thessaloniki, Ekdoseis vanias, 1996. 397 p.

43. Miliarakis A. *Istoria tou basileiou tēs Nikaias kai tou Despotatou tēs Ēpeirou* [History of the Nicene Empire and the Despotate of Epirus] (1204–1261). Athens, Typographeion Adelphōn Perri, 1898. VII, 676 p.

44. Savvidis A.G.K. Oi Komanoi (Koumanoi) kai to Byzantio, 11os – 13os ai. m.Ch. [The Komani (Koumanoi) and Byzantium 11th – 13th Century AD]. *Byzantina*, 1985, t. 13/2, pp. 938-955.

Information About the Authors

Nikolay D. Barabanov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, Barabanov.azi@volsu.ru, byzbar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7873-5806>

Vladimir A. Zolotovskiy, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

Информация об авторах

Николай Дмитриевич Барабанов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, Barabanov.azi@volsu.ru, byzbar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7873-5806>

Владимир Алексеевич Золотовский, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>